

Аркадий Аверченко

Караси и щуки

Рассказы последнего дня

УДК 93
ББК 63.3
А19

А19 **Аверченко А.Т.**
Караси и щуки: Рассказы последнего дня / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2021. – 58 с.

ISBN 978-5-458-08508-3

ISBN 978-5-458-08508-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— А еще бы! Вещь, около которой можно заржать от восторга. Действительно, эти приѣзжающіе въ Москву американцы, они тово... Однако, вы не бѣзъ темперамента... Изобразить американца въ родѣ трехъ трубочекъ...

— Нѣтъ, трубочки — это Москва! Американца тутъ, собственно, нѣтъ; но есть, такъ сказать, слѣды его пребыванія...

— Ахъ, вотъ что. Тонкая вещь. Масса воздуха. Колоритная штукенція. Почему?

— Семьсотъ. Это вамъ для кабинета подойдетъ.

— Семьсотъ... чего?

— Ну, этихъ самыхъ, не важно. Лишь бы наличными.

III.

Я такъ былъ тронутъ участіемъ и доброжелательнымъ ко мнѣ отношеніемъ двухъ экспансивныхъ, экзальтированныхъ молодыхъ людей, что мнѣ захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить ихъ.

— Господа! Мне бы хотѣлось принять васъ у себя и почествовать, какъ представителей новаго чудеснаго искусства, открывающаго намъ, опустившимся, обрюзгшимъ, необозрима свѣтлыя дали, которыя...

— Пойдемте, — согласились оба молодыхъ человека съ ложками въ петлицахъ и миловидной розовой сыпью на лицахъ. — Мы съ удовольствіемъ. Насъ уже давно не чествовали.

— Что вы говорите! Ну, и народъ пошелъ. Нѣтъ, я не такой. Я обнажаю передъ вами свою бѣдную мыслями голову, склоняю ее передъ вами и звонко, прямо, открыто говорю: „Добро пожаловать!“

— Я съ вами на извозчикѣ поѣду, — попросился левый. — А то, знаете, мелкихъ что-то нѣтъ.

— Пожалуйста! Такъ, съ ложечкой въ петлицѣ, и поедете?

— Конечно. Пусть ожирѣвшіе филистеры и гнилые ипохондрики смѣются — мы выявляемъ себя, какъ находимъ нужнымъ.

— Очень просто, — согласился я. — Всякій живетъ, какъ хочетъ. Вотъ и я, напримѣръ. У меня вамъ кое что покажется немного оригинальнымъ, да ведь вы же не изъ этихъ самыхъ... филистеровъ и буржуевъ?

— О, нѣтъ. Оригинальностью насъ не удивишь.

— То-то и оно.

IV.

Приѣхали ко мнѣ. У меня уже былъ кое-кто: человекъ десять-двенадцать моихъ друзей, приѣхавшихъ познакомиться поближе съ провозвѣстниками новаго искусства.

— Знакомьтесь, господа. Это все народъ старозавѣтный, закоренелый, вы съ ними особенно не считайтесь, а что касается васъ, молодыхъ, гибкихъ піонеровъ, то я попросилъ бы васъ подчиниться моимъ домашнимъ правиламъ и уставамъ. Раздѣвайтесь, пожалуйста.

— Да мы уже пальто сняли...

— Нѣтъ, чего тамъ пальто. Вы совсѣмъ раздѣвайтесь.

Молодые люди робко переглянулись:

— А... зачѣмъ же?

— Чествовать васъ будемъ.

— Такъ можно вѣдь такъ... не раздѣваясь...

— Вотъ оригиналы-то!! Какъ же такъ, не раздѣваясь, можно вымазать ваше тѣло малиновымъ вареньемъ?..

— Почему же... вареньемъ?.. зачѣмъ?

— Да ужъ такъ у меня полагается. У каждого, какъ говорится, свое. Вы вѣшаете на поднось дохлую крысу, пару карамельныхъ бумажекъ и говорите: это картина! Хорошо! Я согласенъ! Это картина. Я у васъ даже купилъ ее. „Американца въ Москвѣ" тоже купилъ. Это *вашъ* способъ. А у меня *свой* способъ чествовать молодые многообѣщающіе таланты: я обмазываю ихъ малиновымъ вареньемъ, посыпаю конфетти и, наклеивъ на щеки два куска бумаги отъ мухъ, усаживаю чествуемыхъ на почетное место. Бѣсть вы будете особый салатъ, приготовлѣнный изъ кусочковъ обоевъ, изрубленныхъ зубныхъ щетокъ и теплаго вазелина. Не правда ли, оригинально? Запивать будете свинцовой примочкой. Итакъ, будьте добры, раздѣньтесь. Эй, люди! Приготовлено ли варенье и конфетти?

— Да, нѣтъ! Мы не хотимъ... Вы не имѣете права...

— Почему?!!

— Да что же это за бессмыслица такая: взять живого человека, обмазать малиновымъ вареньемъ, обсыпать конфетти!.. Да еще накормить обоями съ вазелиномъ... Развѣ можно такъ? Мы не хотимъ. Мы думали, что вы насъ просто кормить будете, а вы... мажете. Зубныя щетки, рубленыя, даете... Это даже похоже на издѣвательство!.. Такъ нельзя. Мы жаловаться будемъ.

— Какъ жаловаться? — яростно взревѣлъ я. — Какъ жаловаться?! А я жаловался комунибудь, когда вы мнѣ продавали пятиногихъ синихъ свиней и кусочки жести на деревянной доскѣ?! Я отказывался?! Вы говорили: мы самоопредѣляемся. Хорошо! Самоопредѣляйтесь. Вы мнѣ говорили — Я васъ слушалъ. Теперь моя очередь... Что?! Нѣтъ, ужъ знаете... я поступалъ по вашему, я хотѣлъ понять васъ — теперь понимаете и вы меня. Эй, люди! Раздѣньте ихъ! Мажь ихъ, у кого тамъ варенье. Держите голову имъ, а я буду накладывать въ ротъ салатъ... Стой, братъ, не вырвешься. Я тебѣ покажу сумерки насущнаго! Вы самоопредѣляетесь — я тоже хочу самоопредѣлиться!..

V.

Молодые люди стояли рядышкомъ передо мной на колѣняхъ, усердно кланялись мнѣ въ ноги и, плача говорили:

— Дяденька, простите насъ. Ей Богу, мы больше никогда не будемъ...

— Чего не будете?

— Этого... дѣлать... Такихъ картинъ дѣлать...

— А зачѣмъ дѣлали?

— Да мы, дяденька, просто думали; публика глупая, хотѣли шумъ сделать, разговоры вызвать.

— А зачѣмъ ты вотъ, тотъ... левый... зачѣмъ крысу на поднось повѣсилъ?

— Хотѣлъ, какъ чуднее сдѣлать.

— Ты такъ глупъ, что у тебя на что-нибудь особенное, интересное даже фантазіи не хватило. Вѣдь ты глупъ, братецъ?

- Глупъ, дяденька. Извѣстно, откуда у насъ умъ?!
- Отпустите насъ, дяденька. Мы к мамѣ пойдѣмъ.
- Ну, ладно. Цѣлуйте мнѣ руку и извиняйтесь.
- Зачѣмъ же... руку цѣловать?..
- Раздѣну и вареньемъ вымажу! Ну?!
- Вася, цѣлуй ты первый... А потомъ я. — Ну, Богъ съ вами... Ступайте.

VI.

Провозвѣстники будущаго искусства встали съ колѣнъ, отряхнули брюки, вынули изъ петлицъ ложки и, сунувъ ихъ въ карманъ, робко, гуськомъ вышли въ переднюю.

Въ передней, натягивая пальто, испуганно шептались:

— Влетѣли въ исторію! А я сначала думалъ, что онъ такой же дуракъ, какъ и другіе.

— Нѣтъ, съ мозгами парень. Я, было, испугался, когда онъ на меня кричать сталъ.

Вдругъ, думаю, подносомъ по головѣ хватить!

— Слава Богу, дешево отдѣлались.

— Это его твоя крыса разозлила. Придумалъ ты, действительно: дохлую крысу на поднось повѣсилъ!

— Ну, ничего. Ужъ хоть ты на меня не кричи. Я крысу выброшу, а на пустое место стеариновый огарокъ на носке башмака приклею. Оно и прочнее. Пойдемъ, Вася, пойдѣмъ, пока не догнали.

Ушли, объятые страхомъ...

. . . . .

БОРЬБА СЪ РОСКОШЬЮ.

— Имею честь рекомендоваться: дѣйствительный членъ новооткрытой петроградской лиги для борьбы съ роскошью и мотовствомъ.

— А! Дѣйствительный?

— Да-съ.

— Это хорошо, что дѣйствительный. Прошу покорнейше садиться...

— Куда?

— А вотъ въ это кресло.

— Въ это кресло? Ни за что. Оно вѣдь, поди, рублей пятьдесятъ стоить?

— 120.

— Сто двадцать?! О, Боже! Какое возмутительное мотовство! Принципіально не сяду... Я лучше, тутъ, на подоконничкѣ...

— Чѣмъ могу служить?

— Я пришелъ вамъ сказать одно только слово... Кажется, господинъ Фурсиковъ?

— Фурсиковъ.

— Одно слово: опомнитесь, Фурсиковъ! Намъ сообщили, что вы живете роскошно и мотааете деньги безъ всякаго толку и смысла... На чемъ, на примѣръ, вы сейчасъ стоите?

— На полу.

— Нѣтъ, на коврѣ! А коверъ-то персидскій, а цѣна-то ему пятьсотъ рублей, а на коврѣ-то этомъ еще лежитъ медвѣжья шкура, тоже, поди, въ два ста ее не уберешь?

— 550.

— Я не падаю въ обморокъ отъ этой цифры только потому, что у меня крѣпкіе нервы. Эхъ, господинъ Фурсиковъ! Нуженъ вамъ этотъ коверъ? Нетъ, не нуженъ. Нуженъ медведь? Ни для какого чорта не нуженъ. Это у васъ что за комната?

— Кабинетъ...

— Так-съ... А та?

— Столовая.

— Ну, скажите, пожалуйста... Неужели, эти двѣ комнаты нельзя соединить въ одну? Или обѣдайте въ кабинетѣ или занимайтесь въ столовой. Вѣдь два дѣла за разъ вы не будете делать — обедать и заниматься. Значитъ — для чего же двѣ комнаты?

— Но у меня тутъ письменный столъ...

— А для чего онъ вамъ? На обѣденномъ и занимайтесь... Если бумаги какія есть, документы — ихъ можно въ ящичекъ изъ-подъ макаронъ класть. Макароны скушать, а въ пустой ящичекъ прятать послѣ работы бумаги... Наконецъ — чернильница! Для чего вамъ такая огромная — съ какимъ-то орломъ, съ бронзой и мраморомъ? Прекрасно и баночка изъ-подъ горчицы служить можетъ. Горчицу скушали, а въ баночку чернилъ налили... Это что за комната?

— Спальня...

— Ну, вотъ, ну, вотъ! Въ кабинете есть огромный широкий диванъ, есть оттоманка, а вы еще спальню заводите. Что за мотовство?!..

— Но... у меня ведь жена...

— Ну, что жъ... Прекрасно на этой оттоманке умѣстились бы съ женой рядомъ...

— На ней нельзя спать... Плюшь испортится.

— А зачѣмъ плюшь? Клеенкой обтянули и конецъ. Что за швыряніе деньгами. Лучше бы эти деньги на военныя нужды пожертвовали... О! Тамъ еще комната?

— Да.. Это спальня моего брата...

— Зачѣмъ? Къ чему? Кому это нужно? Спальня! Въ томъ же кабинетѣ можно и устроиться. Вы съ женой на оттоманкѣ, братъ на диванѣ. Когда братъ раздѣвается — жена ваша выходитъ на минуту, жена раздѣвается — братъ выходитъ. Господи! Только было бы желаніе, а устроиться всегда можно...

— Но... у жены есть туалетный столикъ... его некуда тутъ поставить...

— Какъ некуда? А на вашъ письменный столъ. Такой огромный дуракъ, — неужели онъ не сможетъ сдержать этого крошки... И преудобно будетъ: жена ваша взбирается на письменный столъ (вы ее можете и посадить) и садится за туалетный столикъ, причесываться или что она тамъ дѣлаетъ, вы у ея ногъ сидите, работаете, а на другомъ концѣ стола можетъ сидѣть вашъ братъ и ѣсть въ это время колбасу.

— Нѣтъ, такъ неудобно... Жена любить, чтобы изъ спальни былъ ходъ прямо въ ванную...

— О, Боже милостивый! Что вы, Ротшильдъ, что ли? Зачѣмъ вамъ отдельная ванная? Ванну можно поставить на мѣсто этой этажерки съ бездѣлушками и отгородить ее ситцевой занавѣсочкой... Да постойте! Видь тутъ, вмѣсто этого мраморнаго идиота, можно поставить керосинку... Тогда вамъ и кухни не надо... Жена будетъ жарить на керосинкѣ яичницу, братъ рубить, скажемъ, котлеты, а вы чистите картошку! Ни кухни, ни кухарки не надо... А экономію всю на нужды войны жертвуйте... Сколько у васъ теперь комната?

— Ш... шесть...

— Ну, вотъ! А я вамъ доказываю, что одной довольно... Тесновато, вы думаете? А на кой дьяволъ вамъ два шкапа книгъ? Что вы ихъ всѣ сразу читаете, что ли? Ведь больше одной за разъ не читаете? Ну, вотъ! Запишитесь въ какую-нибудь библиотечку и берите книги, а эти продайте, а дѣньги на Красный Крестъ пожертвуйте... Вѣдь сердце кровью обливается, когда на васъ смотришь. Это что — жакетъ на васъ?

— Жакетъ...

— Рублей 60, поди, стоить.

— 140.

— Ну, вотъ! Кому это нужно?! Взяла бы жена и сшила сама изъ трико по три двадцать аршинъ; и прочно и хорошо. Пальто, вонъ, я ваше въ передней видель. Почему на мѣху? Можно и въ весеннемъ проходить зиму, а ежели холодно, то не ѣздить на извозчикахъ или тамъ на трамваяхъ, а просто бѣжать по улицѣ. И экономія времени, и согрѣешься... А это пальто спустить надо, а денежки на шитье противогазовъ пожертвовать. Гм... да! Позвольте, г. Фурсиковъ... Почему же вы плачете?

— О, г. дѣйствительный членъ петроградской лиги для борьбы съ роскошью и мотовствомъ! Вы такъ хорошо говорили, такъ убѣдили и меня, и жену мою, и брата, что мы рѣшили во всемъ и вездѣ следовать тѣмъ принципамъ, съ которыми сейчасъ познакомились...

— Гм... Ну, да... Я очень радъ... гм!.. Очень. Утрите слезы. Еще не все потеряно... Прощайте, г. Фурсиковъ, прощайте, мадамъ. А гдѣ же вашъ братецъ?

— А онъ тутъ побѣжалъ въ одно мѣсто... А, вотъ онъ! Вернулся.

— Прощайте, господа .. Это что у васъ, передняя? Ну зачѣмъ такая большая передняя... Все верхнее платье можно вѣшать въ кабинетѣ, около ванны... А экономію пожертвовать на нужды... гм! Гдѣ же мое пальто?

— Вотъ оно.

— Это не мое. У меня было съ бобровымъ воротникомъ, новое...

— Нѣтъ, это ваше. Это ничего, что оно старенькое и безъ воротника. Если вамъ будетъ холодно — можете бѣжать...

— Гдѣ мое пальто?!!

— Вотъ такое есть. Не кричите. А то, которое было вашимъ, мой братъ успѣлъ заложить за 300 рублей въ ломбардъ, а деньги внесъ на Красный Крестъ... Вотъ и квитанція. Простите, г. членъ для борьбы съ роскошью, но вы такъ хорошо говорили, что мой братъ не могъ сдержать порыва... Всего хорошаго... Позвольте, господинъ!.. Квитанцію забыли захватить...

— Ушелъ... Обиделся, что ли, не понимаю...

И на что бы, кажется?

ДОБРЫЕ КАЛИФОРНИЙСКІЕ ПРАВЫ.

Предварительное обращение къ военной цензурѣ.

Дорогая военная цензура!

Разрѣши, пожалуйста, мнѣ написать то, что я хочу; и не только написать, но и напечатать. Вѣдь ты понимаешь, что то, о чемъ я мечтаю ниже, настолько невѣроятно, настолько нежизненно, настолько не подходитъ къ нашей русской обстановкѣ и быту, что объяснить мои «мечты» подстрекательствомъ — можетъ только человѣкъ, имѣющій что-либо противъ меня лично. А такъ какъ военная цензура не должна имѣть на меня сердца (не давалъ повода) — то твердо надѣюсь, что и все ниженаписанное увидить свѣтъ.

Любящій васъ Арк. Ав.

Отрывокъ изъ Брътъ-Гарта.

...Нѣсколько всадниковъ съ суровыми мрачными лицами подскакали къ хижинѣ конокрада Джо Мастерса изъ Красныхъ Утесовъ — и спѣшились.

— Эй, Джо! Выходи! — закричалъ предводитель, стуча въ толстую дверь рукояткой кинжала.

На порогѣ показалась молодцеватая фигура Джо Мастерса съ двумя пистолетами въ рукахъ, но когда онъ увидѣлъ выраженіе лица пріехавших — руки его опустились.

— А я и не зналъ, кто пріѣхалъ — хотѣлъ защищаться. Значить, дѣло кончено?

— Да. Я — представитель комитета общественной безопасности. Ты молодецъ, Джо, что уважаешь судъ Линча... Видишь ли, противъ тебя показали два уважаемыхъ гражданина Ревущаго Стана: мистеръ Кентукъ и мистеръ Пигсби... Дѣло верное.

— Что жъ, — пожалъ плечами Джо, — игра проиграна!

Онъ бросилъ пистолеты и задумчиво направился къ дереву, на одной изъ нижнихъ вѣтвей котораго два рудокопа прилаживали тонкую волосяную веревку съ петлей на концѣ...

Существующій порядокъ въ Россіи

— Саламаткинъ! Свидѣтельскими показаніями полиція установила, что ты продаешь недопеченный хлѣбъ. Недопекаешь его ты для того, чтобы онъ больше тянулъ на вѣсахъ. Кромѣ того, ты берешь за него на 1¹/₂ копейки дороже противъ таксы. За это мы штрафуемъ тебя на 300 рублей.

— Ваше благородіе! Помилуйте! Подвозу нѣтъ, вагоновъ, шведскій транзитъ въ неисправности, волненіе въ Персіи — нешто намъ возможно выдержать?!..

— Кардамоновъ, взыщи съ него!

* * *

— Господинъ городской! Обратите ваше вниманіе на этого проклятаго извозчика № 100. Я выхожу изъ Литейнаго театра, нанимаю его въ Троицкій, а онъ съ меня за это рупь проситъ. Нетто это дѣло? Грабежъ это безформенный!

— Ты чего же это, а? Штрафу захотѣлъ? Вотъ я замечу твой подлецовскій номеръ,

тебя тремя рублями штрафа и огрѣютъ...

— Господинъ городской! Нешто я какъ — по своей волѣ? Овесъ-то почему теперь, слышали? Хозяину я сколько долженъ привезти—слышали? 7 рублевъ. А вы—штрахъ. Штрахъ съ меня возьмете, а я на другихъ сѣдокахъ отворачивать его долженъ. Городовой-то не всегда поблизу.

— Ну, ты, разговорился! Дайте ему, господинъ, полтину—предовольно съ него! 'Бзжай, анаема!

* * *

*

— Послушайте, господинъ банкирь. У васъ тамъ какіе-то запасцы овса оказалась спрятаннныя. Не хорошо. Ну, какое, скажите, имѣть отношеніе овесъ къ банку? Правда, что по закону мы вамъ ничего не имѣемъ права сдѣлать, но совѣсть-то у васъ своя есть — или какъ?

Порядокъ, о которомъ мечтаетъ авторъ...

Къ дверямъ хлѣбной и бакалейной лавки Саламаткина, что на Загородномъ проспектѣ, подскакали несколько всадниковъ съ мрачными рѣшительными лицами. Они спѣшились и, гремя шпорами, вошли въ лавку.

— Вы — Саламаткинъ? Хорошо. Мы — столичный комитетъ общественной безопасности, находящійся подъ покровительствомъ властей. Вотъ эти двое солидныхъ незапятнанныхъ гражданъ сдѣлали намъ заявленіе, что вы продали имъ совсѣмъ не пропеченный хлѣбъ, вредный для здоровья, при чемъ взяли за него на 1¹/₂ копейки болѣе противъ таксы.

— Штой-то, господа, — завопилъ Саламаткинъ, — подвозу нѣтъ, транзитъ изъ Персіи...

— Тс!!—сурово сказалъ предводитель, зазвенѣвъ шпорами. — Имѣйте больше уваженія къ суду Линча!! Мистеръ Окурковъ, взять его! Мистеры Сѣдакинъ и Лялькинъ, у васъ уже приготовлена веревка на фонарномъ столбѣ?

— Готово, предводитель. Тутъ же на Загородномъ въ двухъ шагахъ. Уже много гражданъ съ нетерпѣніемъ ждутъ результата суда.

— Значить, формальности всѣ? Взять его!

Желѣзные руки схватили Саламаткина.

* * *

*

— Извозчикъ № 100! Это вы хотѣли взять съ этого сѣдока рубль за конецъ съ Литейнаго театра въ Троицкій?

— Да какъ же, господа, ежели будемъ говорить овесъ... опять же хозяинъ...

— Это насъ не касается. Свидетельство двухъ уважаемыхъ гражданъ имеется? Фонарь крѣпкій? Значить все формальности на лицо. Мистеръ Дерябкинъ — потрудитесь...

* * *

*

— Это — комиссіонныя дѣла нашего банка и они васъ не касаются!! Нашъ овесъ — мы его купили и можемъ выпустить его на рынокъ, когда намъ заблагоразсудится. Вы не смеете меня брать — нѣтъ такого закона...

Предводитель нагнулся съ взмыленнаго коня и заглянулъ прямо въ глаза банкиру.

— Нѣтъ, есть такой законъ, — холодно сказалъ онъ.— Калифорнійскій законъ —

законъ Линча!

...Фонарь ласковымъ мирными свѣтомъ освѣщаль приблизившееся къ нему недовольное лицо банкира...

И что будетъ послѣ введенія такого нового порядка.

— Господинъ! Ежели вы находите, что этотъ хлѣбъ не совсѣмъ пропечень — я отрѣжу другой кусокъ.

— Нѣтъ, что вы! Хлѣбъ великолѣпно выпечень.

— А то скажите только. Потомъ тутъ у насъ такса вывѣшена; такъ мы съ ней не особенно считаемся: на копеечку все дешевле продаемъ. Все-таки, знаете спокойнѣе — хе-хе!.. Мишка! Дверь открой господину.

* *

*

— Извозчикъ! Къ Народному Дому — восемь гривенъ.

— Это съ угла-то Морской и Невскаго? Что вы, господинъ, — и половины довольно!

— Ну ты тоже скажешь! Бери шесть гривенъ.

— Да вѣдь ѣзды здѣсь хорошей 10—12 минутъ — за что же тутъ? Полтину извольте — больше никакъ невозможно! А то иначе и не поѣду.

* *

*

— Слушайте, г. банкиръ! У меня есть партія овса. Вы понимаете, 800 вагоновъ по пустяшной цѣнѣ. А если мы потихоньку перевеземъ его сюда да припрячемъ...

— Эй, кто тамъ! Илюшка, Семень! Гдѣ мой большой револьверъ... Держите этого субъекта, я сейчасъ буду стрѣлять ему между глазъ!!!

— Ну, хорошо... Ну, вотъ я уже и ушелъ!.. Очень нужно кричать...

.....

ОДЕССИТЫ ВЪ ПЕТРОГРАДЪ.

Утро въ кафе на Невскомъ, гдѣ «все покупаютъ и все продаютъ»...

— А! Кантаровичъ! Какъ ваше здоровье?

— Ничего себѣ, плохо.

— Слушайте, Кантаровичъ... съ чѣмъ вы сейчасъ занимаетесь?

— Я сейчасъ, Гендельманъ, больше всего занимаюсь диабетомъ.

— Онъ у васъ есть?

— Ого!

— И много?

— То-есть, какъ много? Сколько угодно. Могу вамъ даже анализъ показать.

— Хорошо; посидите. Я сейчасъ, можетъ быть, все устрою.

Убегаетъ.

* * *

*

Наталкивается на Шепшовича.

— Гендельманъ! Куда вы бѣжите?

— У меня есть дѣло, не задерживайте меня. Я продаю.

— Что вы продаете?

— Диабетъ я продаю.

— Диабетъ? Гм... Много его есть у васъ?

— Положимъ, онъ есть не у меня, а у одного человѣчка.

— У какого?

— Вы замѣчательный наивникъ. Я, можетъ быть, на этомъ заработаю — такъ я ему обязательно долженъ сказать, чтобъ онъ изъ-подъ носу вырвалъ!

— Вы мнѣ можете не говорить, но я васъ заверяю, что вы безъ меня диабета не продадите.

— Серьезно?

— Онъ спрашиваетъ! Я вамъ скажу, что теперь весь диабетъ проходитъ черезъ мои руки.

— Кому же вы его ставите?

— Гендельманъ! Не надо считать меня ідіотомъ. Это настолько мой хлѣбъ, что я вамъ даже ничего не скажу.

— Ну, хорошо. Такъ сдѣлаемъ дѣло вдвоемъ.

— А вагоны?

— Ой, эти вагоны — вотъ у меня гдѣ сидятъ. Чистое съ ними наказаніе. Ну, у насъ, впрочемъ, есть специалистъ по вагонамъ — Яша Мельникъ.

* * *

*

— Яша! Здравствуйте, Яша. Вы бы могли достать намъ вагоновъ.

— Подъ чего?

— Подъ диабетъ.

— Что это за диабетъ?

— Здравствуйте! Только сегодня на светъ родились! Диабетъ — есть диабетъ.

— Можетъ, дрянъ какая-нибудь?

— Дрянъ? А если я вамъ покажу анализъ — что вы скажете?

— Если анализъ есть, такъ какой тамъ разговоръ? Вагоны будутъ.